

ребёнок не научился прятать разочарование.
а лес наполняется снегом,
как вены холестерина,
наш домик в деревне –
ковчег для четверых и всей свиты:
собака, кошка, нутрии,
куры, телёнок в закутке.
а лес наполняется снегом,
как память - белым мокрым пеплом
прожитого, но почему же
я ничего не могу разглядеть?
трактор чистит дорогу мощной клешней,
фырчит, тарактит,
его электроглаза без век и ресниц
дрожат, как у краба, на спицах.
зачем я приехал сюда - в холодную белизну –
писать новый роман?
улитка с ноутбуком. здесь настоящая зима,
её можно потрогать пальцем,
как спящего гризли, –
аккуратно выломав лёд в закупоренной берлоге:
чувствуешь запах прели
и мокрой псины, ягодное дыхание?
бессонный зверь, я вернулся к тебе,
жить с тобой в гудящем тепле,
есть жареную картошку,
цедить сироп твоих золотых волос,
просто так касаться тебя –
не ради похоти или продолжения рода,
и разбирать по утрам монотонный бубнёж выюги.
я смотрю на зиму из твоего лица.

Комментарий автора

(печатается в авторской пунктуации):

метр скрипучей как пенопласт
тишины, цивилизованный ад городка
занесённый снегом, морозный воздух щипает
щеки как цимбалы, специально хочет сделать
больно ребёнок, белое дитя с хромированной
душой и ты замечаешь время зимой работает
вхолостую, буксует и тебя настигает мир,
который принадлежит мертвецам. царство
нежизни сиреневое медленное цунами
движется по пятам человечества, как мышь за
котёнком. этот февраль мне снится до сих пор,
как мультяшная закладка дочери среди волос
в моей голове, сиренево-стальной осётр

Все мы прячемся
за толщей стёкол-одиночеств,
смотрим в иллюминаторы,
и зимняя ночь проплывает мимо,
и над нами словно круизный лайнер:
там созвездия-миллионеры пьют квазарный сок
и щебечут непонятные фразы
на языке чёрных дыр.
а лес наполняется
нашими стеклянными трофеями, статуями,
милым бессмыслием. мельтешат белые хлопья,
но не твои ресницы –
осмысленные жнецы с шёлком, серпами и сажей.
все эти воспоминания – фотографии островов.
на некоторых есть мы.
но мировая необитаемость сводит с ума,
и я уже смотрю на мир
в прошедшем времени,
как звезда, испустившая свет,
и свет вернулся к звезде,
отражённый от будущей монолитной тьмы.
любимая, мы одни. и лисица кричит в лесу –
так издаёт писк
наш старенький картридж на принтере.
распечатай же зимние вечера,
где есть мы, наша семья,
пока зимний лес заполняет меня.
сколько же священной голодной пустоты
(снаружи и внутри),
готовой принять
любой осмысленный хлам, звук, лик.

завернутый в газету и мёртвые словечки
пропитываются слизью чешуёй контактными
линзами. ты прочтёшь – февраль над входом
в белый лимузин безмолвия, отороченный
следами собачьих лап, слепки, формочки для
отливки тюльпанов. зимние узкие дни
тропинки вырублены в скале, в айсберге
приведут тебя сквозь белоснежные
лабиринты в супермаркет, мясной отдел,
расчлнённый минотавр, красный мягкий
мрамор в пластиковых пакетах. и ты
вздригнешь – эти минуты б/у
отполированные множеством сознаний как

ручки дверей, здесь уже кто-то жил до тебя, дышал конденсированным воздухом с ароматом мандарин, целовал этих глазастых глупых женщин, слушал лёгкую вибрацию, рекламные акции под вивальди, говорил мёртвые словечки, общие фразы, минуты как сверкающие педали, но тормозной шланг перерезан.

мысли с годами стираются точно края ступеней, становятся круглыми, призраки снаружи витрин – прозрачные хрустальные хрупкие терминаторы тоже мёрзнут, только чуть-чуть, в них оставили 03 процента жизни как алкоголь в кефире, чтобы легче переносить периоды полураспада, воспоминания быстро сползут как снежные лавины или медленно сползут ледники на локтях, подгребая под себя снежинки, снежинки, погружаются в пучину прошедшего затонувшие города и смерть как

жёлтый косматый змей бодро рассекает пространство. нас запускали как снежных мышек в лабиринт, но всегда находилась одна, которая опровергала законы и беспредел бытия, вставала на задние лапки снежинок и глядела в глаза. но зимний Бог не сложнее, чем рефлекс Павлова. снегопадина обводила нас взглядом как мелом, а потом возвращалась обратно, пыталась зачеркнуть мелом фигурки людей, наши миры, растерянно пищала вьюга, нарушая инструкции мы влюблялись и болезненный медоносный свет лампочки в подъезде то сокращался, то расслаблялся как мышцы распятой лягушки под электричеством, и я не решался войти – точно перейти ледяную реку инкарнацию, подняться по лестнице в твой мир войти и не выйти, ибо ты моё спасение, мой выход из февраля...